

Научная статья

УДК 811.161.1+821.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195>

«ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ»: РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...» В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

**Мария Александровна
Кучерова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, merismus@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Аннотация. Статья посвящена лингвопоэтическому анализу рассказа Л. Н. Толстого «Что я видел во сне...» (1906), относящегося к позднему периоду творчества писателя. Несмотря на лаконичность формы, характерную для поздних произведений Толстого, рассказ сохраняет глубину философского содержания, продолжая традиционную для автора тему нравственного выбора. В исследовании применяется комплексный методологический подход, сочетающий литературоведческие и лингвистические методы анализа, что позволяет рассмотреть единство формы и содержания текста. Основное внимание уделяется трем аспектам: 1) композиционной структуре рассказа, построенной на противопоставлении пространств обвиняющего (князя Михаила Ивановича) и обвиняемого (его дочери Лизы) с последующим их пересечением; 2) приему смены повествовательных перспектив, характерному для толстовского стиля; 3) языковым средствам выражения психологического состояния героя. Особое значение имеет анализ лексико-семантических групп, выявляющий «движение души» князя от ненависти и злобы к милосердию и раскаянию. Исследование демонстрирует, как синтаксические особенности (переход от сложных конструкций к простым предложениям) и лексические повторы отражают внутреннюю трансформацию героя. Показано, что победа «нравственного инстинкта» над «оскорбленной гордостью» сопровождается изменением оценочной лексики с отрицательного вектора на положительный. Открытый финал рассказа интерпретируется как указание на возможность полного духовного очищения. Работа вносит вклад в изучение поэтики произведений «позднего» Толстого, показывая, как в «малой» форме достигается глубина психологического анализа и философского содержания. Результаты исследования подтверждают непрерывность развития толстовской антропологической концепции от ранних произведений к поздним. Материал может быть полезен для дальнейших исследований в области лингвопоэтики и эволюции творческого метода Толстого.

Ключевые слова: художественный текст, лексика, семантика, эмотивность, «малая проза», лингвопоэтика, Л. Н. Толстой.

Благодарности: Исследование выполнено в ТГПУ им. Л. Н. Толстого за счет средств гранта Правительства Тульской области (проект «Малая проза» Л. Н. Толстого начала XX века: язык и стиль»; ДС/160).

Для цитирования: Кучерова М. А. «Любовь сильнее»: рассказ Л. Н. Толстого «Что я видел во сне...» в лингвопоэтическом аспекте // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 3 (23). С. 188–195. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195>

Сведения об авторе: М. А. Кучерова – магистрант факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Кучерова М. А., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1+821.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195>

“LOVE IS STRONGER”: SHORT STORY *MY DREAM* BY L. TOLSTOY IN THE LINGUISTIC AND POETIC ASPECT

Maria A. Kucheroва

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, merismus@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Abstract. The article analyses the linguistic and poetic aspects of Leo Tolstoy's short story *My Dream* (1906), which belongs to the late period of the writer's work. Despite the conciseness of form characteristic of Tolstoy's later works, the story retains the depth of its philosophical content, continuing the author's traditional theme of moral choice. The study uses a comprehensive methodological approach combining literary and linguistic methods of analysis, revealing the form and content unity of the text. The author focuses on three aspects: 1) the compositional structure of the story, based on the juxtaposition of the spaces of the accuser (Prince Mikhail Ivanovich) and the accused (his daughter Lisa) with their subsequent intersection; 2) the method of changing narrative perspectives, characteristic of Tolstoy's style; 3) linguistic means of expressing the psychological state of the hero. The analysis of lexico-semantic groups, revealing the workings of the Prince heart from hatred and malice to mercy and repentance is of particular importance. The study demonstrates how syntactic features (the transition from complex constructions to simple sentences) and lexical repetitions reflect the inner transformation of the hero. It is also worth noting the change in evaluative vocabulary from a negative vector to a positive one, which accompanies the victory of 'moral instinct' over 'offended pride'. The open ending of the story indicates the possibility of complete spiritual purification. The article contributes to the study of the poetics of the late period of Tolstoy's work, showing ways to achieve the depth of psychological analysis and philosophical content in a flash fiction. The results of the study confirm the continuity of the development of Tolstoy's anthropological concept from early works to later ones. The material may be useful for further research in the field of linguistic and poetics and the evolution of Tolstoy's creative method.

Keywords: literary text, vocabulary, semantics, emotivity, flash fiction, linguopoetics, L.N. Tolstoy.

Acknowledgements: The research was carried out at the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University at the expense of a grant from the Government of the Tula region (the project 'Flash fiction by Leo Tolstoy at the beginning of the 20th century: language and Style'; DS/160).

For citation: Kucheroва, MA 2025, "“Love is Stronger”: Short Story *My dream* by L. Tolstoy in the Linguistic and Poetic Aspect', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 188–195, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195> (in Russ.)

Information about the Author: *Maria A. Kucheroва* – Master's Degree Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Лингвопоэтика текстов Л. Н. Толстого нечасто попадает в поле исследовательского внимания, в особенности это касается его поздних произведений, тяготеющих к «малым», более аскетичным формам, однако не менее важных для понимания эволюции творческого метода писателя, чем произведения «зрелого» периода, получившие в филологии и, в частности, в толстоведении довольно широкое освещение.

Как известно, рассказ Льва Николаевича Толстого «Что я видел во сне...» (1906) относится к позднему периоду творчества писателя, когда его художественная манера, как уже говорилось, приобретает определенную лаконичность. Тем не менее, несмотря на простоту выбираемых художником форм для наиболее концентрированного выражения транслируемых идей, темы, волнующие его, хотя и предстают в осмысленном виде, остаются прежними, а ключевым мотивом – мотив нравственного выбора. Уже в середине 50-х годов позапрошлого века, когда Толстой-писатель только начинал свою литературную деятельность, Н. Г. Чернышевский отмечал: «...глубокое знание тайных движений жизни и непосредственная чистота нравственного чувства... всегда останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни высказывались в нем при дальнейшем его развитии...» [10, с. 428]. Точно так же, как в одном из первых произведений (в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность») Николенька Иртеньев оказывается в ситуации выбора между тщеславием, склонность к которому стала следствием влияния светского общества, и «нравственным инстинктом», заложенным, по мнению Л. Н. Толстого, в каждом человеке и «позволяющим ему... стремиться к добру и бороться со злом» [11, с. 111], в рассказе 1906 года «Что я видел во сне...» центральное место занимает идея преодоления зла, представленного как самолюбие и жестокость, добром, в качестве которого здесь выступают милосердие и как следствие примирение, казавшееся невозможным.

Материалы и методы

В связи с тем, что целью данной работы является выявление специфики художественного воплощения темы нравственного преображения через анализ композиции, повествовательной структуры, языковых средств в одном из произведений позднего периода, в основу исследования лежит комплексный подход, сочетающий лингвистические и литературоведческие методы исследования, что позволяет более глубоко проанализировать как форму, так и содержание текста в их органической целостности. Посредством структурно-композиционного анализа выявляются особенности повествовательной организации произведения. Особое внимание уделяется рассмотрению такого стилистического приема, как смена повествовательных перспектив [1; 2; 9], характерного для ряда толстовских текстов, относящихся к разным периодам творчества писателя. Кроме того, проводится лексико-стилистический анализ произведения, позволяющий выделить тематические группы слов и определить их значение в ракурсе трансляции идейного содержания художественного текста. Языковые единицы (преимущественно лексические и синтаксические) рассматриваются преимущественно с точки зрения их экспрессивно-прагматического потенциала.

Результаты

Композиционно рассказ делится на три главы. В первых двух главах с разных точек зрения рассказывается об одном и том же событии, послужившем причиной конфликта между отцом и дочерью – пространство обвиняющего (князя Михаила Ивановича) и пространство обвиняемого (его дочери Лизы). Третья глава, в свою очередь, в композиционном отношении представляет собой пересечение этих пространств: именно их встреча в середине заключительной части рассказа становится

кульминационным моментом произведения. Подобная трехчастная композиция позволяет не только взглянуть на одно и то же событие с разных позиций, но и проследить тот путь, который приводит эти пространства к пересечению, а самих персонажей – к примирению. Оба пространства организованы посредством репрезентации модальностей главных героев, центральным из которых становится князь Михаил Иванович, из самолюбия отказавшийся от своей дочери и прошедший путь духовного очищения, в связи с чем его образ подлежит более детальному рассмотрению.

Примечательно, что и образ Михаила Ивановича показан Толстым с разных точек зрения [9]. Смена точек зрения как толстовский прием организации композиции отмечался и в иных, более ранних произведениях автора. Так, характеризуя повествование романа-эпопеи «Война и мир» В. В. Виноградов отмечает, что языку Толстого свойственны «последовательные, чередующиеся переходы от одного субъектно-речевого плана к другому» [2, с. 171]. Вслед за Виктором Владимировичем другой литературовед Я. С. Билинчис, рассматривая эволюцию творческого метода писателя, обращает внимание, что «...в период до конца 70-х гг.» для стиля Толстого характерно использование «различных “субъектных призм”, повествование велось попеременно как бы от лица разных персонажей» [1, с. 377]. Тот же композиционный прием наблюдается в анализируемом рассказе позднего периода: центральный персонаж изображается в восприятии нескольких действующих лиц.

С одной стороны, это модальность самого героя, репрезентирующаяся в его поведении, в частности, в речевом. По мнению Л. Я. Гинзбург, прямая речь персонажа обладает «возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [3, с. 150]. Так, однозначно негативная оценка поступков дочери выражается как в вербализованной речи («...она как дочь не существует для меня... знать я ее не могу...» [8, с. 286]) и внутренних монологах («Какой ужасный удар в конце жизни...» [8, с. 296]), так и в несобственно-прямой речи («Мучала его оскорбленная гордость... эта дочь опозорила его, сделала с ним то, что он не может смотреть в глаза людям...» [8, с. 289]). При этом Михаил Иванович неоднократно использует формулировки, свидетельствующие об эгоцентрическом характере его умозаключений: «Довольно **я** перестрадал. Теперь ничего нет **для меня**, кроме желания поставить ее в такое положение... чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения **со мной**, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и **мы** с семьей своей жизнью...» [8, с. 288]; «...ненавидя ее за ту боль, которую она **ему** причинила...» [8, с. 291] и т. п. Многократное употребление личных местоимений, указывающих исключительно на интенциональность князя, непосредственно выражает направленность его сознания лишь на собственную персону.

С другой стороны, князь предстает перед читателем в авторской оценке его действий. Так, например, его поведение различается в присутствии людей, даже близких, и в ситуации полного одиночества, чем подчеркивается искусственность того образа, который он стремится создать в кругу общественности и который, по его мнению, общественность оценивает как идеальный. Показательна в этом отношении лексика, которую автор использует для характеристики героя: «...**скрыл** то страдание под выражением неприступной гордости...» [8, с. 287]; «Когда он ушел в приготовленную ему комнату, он только что взялся вынимать **фальшивые** зубы...» [8, с. 287]; «...отвечал деверь, с своей обычной, несколько **преувеличенной** учтивостью...» [8, с. 287]; «...вздыхнул, очевидно от боли, но тотчас же **справился** и, улыбаясь...» [8, с. 288] и т. д. В последнем примере особенно отчетливо можно обнаружить контраст между действительными чувствами князя и той маской, которую он привык надевать в присутствии второго лица (контекстуальную антонимич-

ность здесь приобретают эмотивы *боль* и *улыбаться*). Все выделенные лексемы семантически связаны с тематическим полем «Искусственность».

С третьей стороны, можно увидеть Михаила Ивановича в восприятии его младшего брата, Петра Ивановича, внимательного, в отличие от Михаила Ивановича, к состояниям другого человека: «*Князь Петр Иванович хотел спросить брата... но не мог решиться спросить. ...князь Петр Иванович видел, какое страдание выразилось на лице брата...*» [8, с. 286–287]. Введение в художественный мир произведения персонажа, отличного в отношении к людям, в очередной раз подчеркивает заикленность сознания Михаила Ивановича на собственной персоне, его склонность к оценке происходящих событий без учета точек зрения окружающих.

И в целом организация пространства Михаила Ивановича осуществляется преимущественно посредством лексем с однозначно мелиоративной семантикой. Так, например, его эмоциональное состояние характеризуется следующими эмотивами: *страдание, боль, тяжесть, мука, срам, отвращение, ненависть, ужас, злоба*. Во всех перечисленных лексико-семантических вариантах (ЛСВ) оценочный компонент 'плохо' становится одним из ключевых составляющих дифференциального элемента значения. Кроме того, внешний облик героя, непосредственно сопряженный с испытываемыми им чувствами, наделяется отталкивающими чертами: *надменен, ядовито насмешлив, неприступная гордость, неприятная улыбка, лицо стало страшно, сердитое лицо*. К группе лексем, включающих оценку Михаилом Ивановичем поступка дочери, роняющего князя в глазах общественности, можно отнести такие экспрессивы, как *ужасно, поморщился, вспыхнул, вздрогнул всем телом, оскорбленная гордость, опозорить, бесстыдная и недобрая натура, ужасное воспоминание, ужасный удар, простонал, отвратительный крик ребенка*. Использование подобных лексико-семантических вариантов непосредственно репрезентирует интенциональность Михаила Ивановича как обвиняющего.

Вместе с тем возвращение героя к прошлому, к воспоминаниям о счастливых днях, проведенных с дочерью до ее, в его понимании, предательства, показано исключительно с положительной стороны (*любимая дочь, нежно любил, любовался, гордился, радовался на нее, умилялся, милое существо*). Антонимичность используемых для оценки событий лексем подчеркивает контраст между состояниями Михаила Ивановича в ситуациях до и после предательства и тем самым обращает внимание на интенсивность влияния поступка Лизы на самолюбие отца.

В этой связи нельзя не отметить градационный характер мелиоративной оценочности лексическо-семантических единиц, усиливающийся по мере приближения встречи отца и дочери. Если беседа с невесткой о судьбе Лизы вызывает в душе пассивные формы переживания (*страдание, боль*), то воспроизведение в памяти момента предательства и мысль о том, чтобы отпустить свою обиду и простить, сопряжены для героя с *ненавистью* и *злостью*, которые он, по сути, подпитывает самостоятельно («...*ходил взад и вперед... **вспоминая** и прежнюю свою любовь к ней... но стоило ему **вспомнить*** 'восстанавливать в сознании, в памяти события, обстоятельства, образы, относящиеся к прошлому' [6, с. 234]...» [8, с. 291]). Обращаем внимание, что выделенная лексема представляет собой глагол в форме действительного залога, выражающего активность лица в отношении выполняемого им действия (ср. с пассивно-качественной семантикой того же слова в форме страдательного залога *вспомниться*) [12, с. 186–190]. Таким образом, к моменту встречи непримиримость Михаила Ивановича относительно дочери доведена до апогея. Именно в этом противодействии психических состояний обнаруживается борьба самолюбия и милосердия.

Высокое чувство любви начало брать верх над отцом уже тогда, когда он, узнав, где поселилась Лиза, и проявив интерес к ее жизни, не только приехал в го-

род, в котором она остановилась, но и направился в ее квартиру, несмотря на то что *«так невозможно казалось какое бы то ни было объяснение»* [8, с. 297]. Следует обратить внимание, что посещение дочери князь не ставил своей непосредственной целью, он пришел к ней *«по велению сердца»*, прогуливаясь в городском парке. Примечательна открытость пространства улицы в сравнении с пространством помещения, пусть не в полной мере, но все же соотносимая с представлениями автора о сближении человека с духовным миром на открытом воздухе. По собственному утверждению Толстого, *«природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни, забвенье своей несносной натуры...»* [7, с. 74].

Примечательны, кроме того, в этом отношении и слова, которыми его провождает невестка: *«Если вы не захотите увидеть ее, то наверное не увидите»* [8, с. 289]. Эти слова оказались пророческими, и тот факт, что, поднявшись в квартиру Лизы, князь не обнаружил там дочери, а встретился с ней как бы случайно по уходе, прямо свидетельствует о том, что сердцем он действительно желал увидеть ее, однако сам не отдавал себе в этом отчета. И именно в ситуации растерянности из-за неожиданной, на первый взгляд, встречи (*«Он смотрел на нее и не двигался с места. ...И не знал, что сказать и что сделать»* [8, с. 297]) обнаруживается осознание князем прежней жестокости в отношении человека, с которым его связывают самые крепкие узы – узы любви. Именно здесь, когда отец, сердцем желавший воссоединения, но разумом отрицавший это, сталкивается с невозможностью оставаться холодным и жестоким по отношению к родному человеку, «нравственный инстинкт» одерживает победу, что в очередной раз подчеркивается лексическим повтором: *«Он забыл теперь все, что думал о своем сраме, и ему только жалко, жалко было ее, жалко и за ее худобу, и за ее плохую, простую одежду, и, главное, за жалкое лицо ее с умоляющими о чем-то, устремленными на него глазами»* [8, с. 297].

Лексический повтор как одно из ключевых средств акцентуации идейного-тематического содержания художественного произведения играет немаловажную роль и в изображении душевных терзаний Михаила Ивановича: *«Все это он вспоминал теперь и ходил, ходил взад и вперед... вспоминая и прежнюю свою любовь к ней... Он вспоминал то, что говорила ему невестка, и старался представить себе, как бы он мог простить ее, но стоило ему вспомнить...»* [8, с. 291]. Подобная передача напряженного мыслительно-чувственного процесса в сознании героя в очередной раз подчеркивает противостояние в его душе эгоистического и милосердного начал.

Изображение победы «нравственного инстинкта» над «оскорбленной гордостью» естественно сопровождается изменением и оценочной лексики с отрицательного вектора на положительный. Однако это не та же самая любовь, которую испытывал Михаил Иванович до конфликта с дочерью: это другая, более сильная любовь, направленная уже не на собственное удовлетворение (умиление, любование, гордость и т. п.), а на другого человека, на великодушие, проявляющееся в отношении к другому человеку (*жалко*), на признание своей неправоты (*виноват, прости*), выражение подлинных чувств (*облегчение, захлопал, обливая слезами, комок в горле, заплакал*) в противоположность искусственности, которой характеризовалось поведение Михаила Ивановича в среде светских отношений.

Отдельного внимания заслуживают «синтаксические средства выражения эмотивной интенции» [5, с. 26], то есть синтаксическая организация тех речевых фрагментов, которыми характеризуются различные состояния Михаила Ивановича. Так, например, в те моменты, когда князь предстает перед читателем как лицо обвиняющее, им используются сложные предложения с несколькими придаточными, придающие процессу речепорождения определенную стройность, обдуманность,

преобладание разума, подчиненного оскорбленному самолюбию, над нравственным чувством, например: *«Теперь ничего нет для меня, кроме желания поставить ее в такое положение, чтобы она никому не была в тягость, чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения со мной, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и мы с семьей своей жизнью, не зная ее»* [8, с. 288]. И, напротив, в ситуации преодоления тщеславия любовью, в ситуации нравственного порыва высказывания становятся короткими, а в их основе преимущественно оказываются простые (нередко даже односоставные) предложения: *«Меня прости...»* [8, с. 297]; *«Что ж, тебе кормить надо...»* [8, с. 298] и т. п.

В сознании героя происходит переворот: он переосмысливает свои приоритеты и уже не скрывает истинных чувств по возвращении домой: вспомним, что невестка «по его лицу» догадалась, что «что-то произошло». И несмотря на то, что финал рассказа остается открытым в связи с тем, что Михаил Иванович все еще не может принять ребенка Лизы, который стал следствием ее предательства, в его душе уже произошло «что-то», нравственное чувство уже возобладавало над эгоистическими умозаключениями, и это дает надежду на полноценное духовное очищение героя.

Заключение

Таким образом, анализ языковых средств, служащих для характеристики душевных состояний героя, а также композиционная структура рассказа, основанная на контрасте, «излюбленном композиционном приеме Толстого» [4, с. 343], между психическими состояниями внутри одной личности отражают центральный конфликт между самолюбием и милосердием, составляющий идейный стержень произведения.

Проведенное исследование подтверждает, что в позднем творчестве Толстой достигает удивительной художественной выразительности через минимализм формы и глубину содержания. Рассказ «Что я видел во сне...» представляет собой яркий пример того, как простая, на первый взгляд, история становится основанием для серьезных философских размышлений о природе человеческих отношений и возможностях нравственного преображения.

Список источников и литературы

1. Билинkis Я. С. О творчестве Л. Н. Толстого. Л.: Сов. писатель, 1959. 416 с.
2. Виноградов В. В. О языке Толстого // Литературное наследство. Т. 35–36. М.: АН СССР, 1939. С. 171.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. 224 с.
4. Громова-Опульская Л. Д. Позднее творчество Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой : сборник статей : пособие для учителя / сост. А. И. Шифман ; под общ. ред. Д. Д. Благого. М.: Учпедгиз, 1955. С. 336–367.
5. Керова А. В. Синтаксические особенности английского поэтического дискурса XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 24–29.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. язык, 1985. Т. 1: А–Й. С. 234.
7. Толстой Л. Н. Переписка с А. А. Толстой. СПб.: Толстовский музей, 1911. С. 74–132.
8. Толстой Л. Н. Что я видел во сне... // Собр. соч. : в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 286–298.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 350 с.
10. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947 Т. 3. С. 428.
11. Чуприна И. В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1961. 194 с.

12. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. 270 с.

References

1. Bilinkis, YaS 1959, *O tvorchestve L. N. Tolstogo* (On the Leo Tolstoy's work), Sovetskiy pisatel' publ, Leningrad. (In Russ.)
2. Vinogradov, VV 1939, 'O yazyke Tolstogo' (On Tolstoy's language), *Literaturnoye nasledstvo* (Literary heritage), vols. 35–36, AN SSSR publ, Moscow, pp. 171. (In Russ.)
3. Ginzburg, LYa 1979, *O literaturnom geroye* (On the literary hero), Sovetskiy pisatel' publ, Moscow. (In Russ.)
4. Gromova-Opulskaya, LD 1955, 'Pozdneye tvorchestvo L. N. Tolstogo' (The later work of L. N. Tolstoy) in *L. N. Tolstoy* (L. N. Tolstoy), ed. D.D. Blagoy, comp. A. I. Shifman, Uchpedgiz publ, Moscow, pp. 336–367. (In Russ.)
5. Keroval, AV 2022, 'Sintaksicheskiye osobennosti angliyskogo poeticheskogo diskursa XIX–XX vv.' (Syntactic Peculiarities of English Poetry in the 19th – 20th Centuries), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities), no. 5 (860), pp. 24–29. (In Russ.)
6. Evgenyeva, AP (ed.) 1985, *Slovar russkogo yazyka: V 4-kh t* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), vol. 1, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
7. Tolstoy, LN 1911, *Perepiska s A. A. Tolstoy* (Correspondence with A. A. Tolstaya), Tolstovskiy muzey publ, St. Petersburg, pp. 74–132. (In Russ.)
8. Tolstoy, LN 1983. 'Chto ya videl vo sne...' (My Dream), *Sobraniye sochineniy v 22 tomakh* (Collected works in 22 volumes), vol. 14, Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow, pp. 286–298. (In Russ.)
9. Uspenskiy, BA 2000, *Poetika kompozitsii* (Poetics of composition), Azbuka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Chernyshevskiy, NG 1947. *Polnoye sobraniye sochineniy v 15 t.* (Complete works in 15 volumes), vol. 3, Goslitizdat publ, Moscow, pp. 428. (In Russ.)
11. Chuprina, IV 1961. *Trilogiya L. Tolstogo. "Detstvo", "Otrochestvo" i "Yunost"* (The Tolstoy Trilogy. Childhood. Boyhood. Youth), Saratovskiy universitet publ, Saratov. (In Russ.)
12. Shanskiy, NM & Tikhonov, AN 1981, 'Slovoobrazovaniye. Morfologiya' (Word formation. Morphology) *Sovremennyy russkiy yazyk. V 3-kh ch* (Modern Russian language. In 3 parts), part 2, Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 11.06.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025